

СМЕНА

2

ЦЕНТРАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
С. С. С. Р.
ИМЕНЕ
И. ДЖИНА

★ ЖУРНАЛ РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ ★

1927
№ 7

„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“

Об'яснения и
обложке см. стр. 4

РЕДАКЦИЯ

Москва, Новая площадь, Червыгинский переулок, д. 3/4. Тел. 5-39-58

Рукописи принимаются, написанные на машинке или четко от руки на одной стороне листа

СМЕНА

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ
ИЗДАНИЕ
ЦЕНТРАЛЬНОГО И МОСКОВСКОГО КОМИТЕТОВ
ВСЕОБЩЕГО ЛЕНИНСКОГО КОМУНИСТИЧЕСКОГО СОЮЗА МОЛОДЕЖИ
ИМ. В. МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

Приветлари всех стран, соединяйтесь!

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА НА 1927 ГОД

На 1 год — 24 ном.	3 руб. 60 коп.
+ 6 мес. — 12	1 . . . 00 +
+ 1	2 35 +
отдельный №	16 +

Подписку принимает Отдел Переводческого Издания ИВ-на „Молодая Гвардия“
Москва, Новая площадь, д. № 6/8

№ 7

А П Р Е Л Ь

1927 г.

ТУРИСТЫ — В ПУТЬ!

В путь пора.
Не долга сборы.
Крепко связан удачок.
На перроне поезд скорый
В ожидании проводы.

Ширь безлюдна и ероманна
И безурочен простор...
Нам туда свободна надо,
Где Кавказ снежй простер.

Пусть же кровь быстрее льется—
Сердце я не берзуг,
Ведь увидит нам прибудет
Солнцем заливный Баку.

Мантии тихий берег Крыма
Славным словом Перекос,
И с волнением зглялим мы
На заросший шов окон.

Те места, где шлы с винтовкой,
Где штыков искрился рой,
По мостам, без остановки,
Пролетам под горой.

И напрасно сердце ноет,
И напрасно зрится в груди,
Поцлупимся с волною
Так, что море выдует.

Время мчится
Поров—каждый
Мил,
как отдых от труда.

То, что видел однажды,
Не забудем никогда.

В. Буваляевский

ПЕРВЫЕ КОМСОМОЛЬЦЫ НА ВЕРШИНЕ КАЗБЕКА

Очерк В. СЕМЕНОВСКОГО

В каждой горной стране, в каждой горной группе есть своя любимая вершина. Для Швейцарии такой является Маттерхорн, для Тироля—Гросглокнер, а для Кавказа—Казбек, несмотря на то, что по высоте своей он занимает среди великанов Кавказского хребта только шестое место. Бесспорное первенство принадлежит Эльбурсу, но он стоит в мало посещаемой местности и поэтому не так популярен. Казбек же стоит в непосредственной близости от дороги, которая еще с давних времен служила единственным естественным проходом из Азии в Европу.

Уже в самые отдаленные эпохи Казбек, поднимаясь своей белоснежной головою из-за окружающих его гор, приветствовала проходивших по ущелью Терек. Неудивительно поэтому, что Казбек имеет много друзей, разнесших повсюду весть о его красоте и величии. Наши лучшие поэты воспели его в стихах. О нем сложились легенды.

Неудивительно также, что и альпинисты, появившиеся на Кавказе, начали свою работу с Казбека.—он был первой горой на Кавказе, на вершину которой вступил гиттоидный полный сапог. Это было в 1868 году, когда английские альпинисты Френрильда, Мур и Теккер совершили свое первое восхождение на Казбек и вместе с тем начали историю исследования Кавказских гор. До них человеческая нога еще не была ни на одной из вершин Кавказа. С легкой руки Френрильда и началось на Казбек восхождения, которых до настоящего времени было совершенно несколько десятков.

Десятого августа вечером наша небольшая группа, вызванная всеобщее любопытство своим необычайным видом, из спаржаденки, выехала из Москвы. А вид у нас был для московского жанра действительно не совсем обычный: на

ногах горные ботинки с большими во весь ранг гвоздями, в руках ледоруб, за спиной—альпинисткая сумка и веревка, сбоку—фляга. Но еще большее внимание привлекало к себе особое приспособление альпинистов, которое одевается на ботинки для того, чтобы прочно держаться

на крутых горных склонах, покрытых льдом.

Это так назыв. кошени.

Между прочим, кошени эти были причиной, возбуждавшей в одном из

случайных слушателей, подсевших к нам в Ро-

стове, страшное желание подняться вместе

с нами на вершину Каз-

бека. Потом, узнав, что

это не так легко, что

подъем сопряжен с опас-

ностями, требует выно-

сительности и здорового

организма, он немного

охладел, и позднее мы

видели его довольно

удачно осаждавшим дру-

гие более доступные

вершины в лице скачу-

ющих курортника—

наших соседей по купе.

Во Владикавказе мы

закупили провиант и,

перекочевав в Балту,

для тренировки совер-

шили восхождение на

Столовую гору, откуда

любовались морем обла-

ков, из которого как острова, прорывались испанские вершины Главного хребта. Горнице под лучами вечернего солнца.

Потом прошли Дарьяльское ущелье медленно, с упорством абиярия в себя все его красоты, и 17-го вечером обосновались в Ганглекта, на-

Казбек

тушской послеке, расположенном на левом берегу Терек, в 36 верстах от Владикавказа. От этого поселка, собственно, и начинается один из наиболее удобных путей на Кабзек.

В Гилгатах живет семья Безуртановых, известных проводников на Кабзек. С одним из них—Исааком—узнали, и 19-го вечером тронулись в путь с таким расчетом, чтобы на

Кабзек (506 метров над ур. моря) со склона Барма-Корта.

другой день пораньше быть в Деводраской будке (на высоте 2330 м.).

Деводраская будка — это наблюдательный пункт, который был устроен еще при старом правительстве с целью наблюдать за передвижениями с Деводраской ледника снежных завалов, производивших громадные оползни. Так, например, в 1832 г. свалившиеся с Кабзекская масса льда и снега загрудили Терек так, что в течение нескольких часов ниже завала можно было свободно переходить по сухому руслу. На месте завала образовалась чрезвычайной прочности лед, который пришлось варывать порошком. В настоящее время Деводраская будка почти разрушена. Но одну из комнат этой будки, заменив исчезнувшую крышу хворостом и землей, предприимчивый Пинхеладзи превратил, как он выражается, в буфет и таким образом создал неслыханный приют, который дает возможность туристам подкрепиться, отдохнуть и в крайнем случае переночевать.

По пути к Деводраской будке с нами случилось маленькое недоразумение: не успели мы пройти и одного часа, как нас нагнал конный милиционер, снабженный полными забрать у нас Исаака Безуртанова, который должен быть доставлен в местечко Кабзек, как заложник. На всякий случай я написал записку начальнику милиции с просьбой под нашу ответственность отпустить Исаака. Начальник милиции, как я потом узнал, охотно исполнил би нашу просьбу, но этому воспротивилось местное население. Дело было несложное: один из родственников Безуртанова подозревался в краже лошади, и так как он скривлся, то решили применить прежде существовавший обычай заложничества и захватили поэтому Безуртанова. Делать было нечего, мы распрощались с Исааком, поехали к месту второго сунтика Михаила Дзавашвили в ранг проводника и тронулись дальше.

На открытии Кабзекской Ермоловской хижинки, теперь это — самый высокий Ленинский улок в мире

Четырехдневный путь к Деводраской будке по северному крутому склону Арма-Корта не труден и очень живописен. Визу шумит Амиланша, спереди от времени до времени выглядывает предостережение Кабзек, слышишь мачтат вершины Кристинского хребта. Визу шумит Амиланша, было время. Пинхеладзи быстро развел огонь, ополжарил нам баранину, похаживая своим смелым вином и, пока мы закусывали, нагрянул на грузинском неспросте «конюрга» уральские туранские мотни Угеллы, мы вскоре уснули под эти мелодичные, заунывные напевы.

Утро было блестящее, небо синее, все в лучах сияющего солнца. Когда я встал из будки и взглянул на высыпающуюся внизу ямак Деводраской ледника, весь путь до Ермоловской хижинки виднелся, как на ладони,—так ясна была даль.

Нам предстоял серьезный подъем, в особенности по второй своей части. Мы взяли направление по северному же склону Арма-Корта, но едва заметной тропинке к Деводраской леднику, пересекли несколько оставшихся снежных завалов, прошли и самый ледник и начали круто подниматься вверх.

Для человека тренированного, физкультурника, который не боится гололедицы, весь подъем к бывшей Ермоловской хижинке не представляет особых трудностей, но горе тем, кто рискует, не имея сильных легких и здорового сердца, отправиться на Барма-Кортский хребет, где стоит эта хижина. Тропинка, конечно, никакой нет, нет джана и намека на нее (есть только направление вперед, вверх). Сначала мы идете по осам, затем по ломким, шиферным и обожженным гранитным скалам и, чем выше мы поднимаемся, тем чаще попадаются такие места, где приходится проходить по узким карнизам, на которых едва умещается нога. Приходится искать дополнительных точек опоры для рук и так осторожно проходить эти места. Между прочим, куда от неосторожного шага касаясь сорвавшийся камешек увлечет все, попадающееся по пути, и вниз уже летят громадные глыбы. Они неосторожный шаг, спускаясь в палыш, гололужение, потеря равнове-

Море облаков. Вид со Столовой горы

ствия — и гибель неминуема. Так в 1904 году на этом склоне погиб знаменитый альпинист.

Обычно, по строгим правилам альпинизма, следуют идти, связываясь веревкой, при чем наиболее опытный и знающий дорогу идет впереди, в середине же идет наиболее слабый. В опасных местах идут по очереди, т.е. прокладывает веревку, укрепляет ее, затем пролети следующему за ним, поддерживая его в случае падения и помогая вылезти из опасного места. В опасных местах идут по очереди, т.е. прокладывает веревку, укрепляет ее, затем пролети следующему за ним, поддерживая его в случае падения и помогая вылезти из опасного места. В опасных местах идут по очереди, т.е. прокладывает веревку, укрепляет ее, затем пролети следующему за ним, поддерживая его в случае падения и помогая вылезти из опасного места.

По правилам, на скалах более чем четырех на одной веревке спускаться не рекомендуется. Но так как среди нас не было ни бывших альпинистов, ни людей со слабыми легкими и физкультурником, то путь этот проходил без всякой веревки. С каждой шагом все ярче и рельефней выдалась кояус Кабзек. При сие и несбе эта глыбчатая масса, покрытая серокающим фирном, имела какую-то притягательную силу. Внизу, уже далеко внизу, искрилась Амиланша, в середине сверкала серебром фирновые поля и страшные зеленые облака легкого глетчерного рукава.

Шаги мы почти без отдыха, если не считать моментов, когда я задерживался фотографированием. Изредка мы взяли резко и круто, почти по отвесным скалам, еще несколько минут, и ровно через 6 1/2 часов мы стояли у первого сунтика, возврат которого задолго до вечера солнца открылся могучий горный ландшафт.

Будка эта, построенная в 1903 г. Русским Горным Обществом, сохранила сильно пострадала. Сохранился только каменный остов ее. Но и этого

1 Сложившийся зернистый снег.

было достаточно, чтобы дать нам некоторую защиту от ветра, а также и от дождя с помощью имевшегося у нас брезента. Вечером того же дня, когда в горах обильно начинаются небольшие тучины, та тучина, которую редко можно пережить где-либо в другом месте, когда замирает и та небольшая жилая и Бабета, которая появляется в деятельности ледника,—мы приготовились к нашему празднованию. Мы решили, что хижина эта должна быть переименована. Нам казалось, что ничего не горюющие или, вернее, многогорющие в отрицательном смысле слова название хижинки—Ермоловская должно быть отныне наименовано, дорожку для всех туристических,—что она должна стать хижинкой имени Ленина. В углу хижинки мы начертали наш лозунг, поместили портрет Владимира Ильича, прислонили знамя которое мы потом воздвигли на вершине Кабзек, и в тесном кругу на высоте трех с половиной верст над уровнем моря устроили наше небольшое празднество. Это, пожалуй, самый высокий из Ленинских уголков.

Погода нам благопринятствовала. Следующее утро было так же ясно, как и предыдущее. Встали мы очень рано, так как путь предстоял не легкий, и нужно быть всегда готовым к тому, что погода может перемениться к худшему. Поэтому чем раньше выйдешь, тем больше шансов за то, чтобы успеть подняться и спуститься еще при хорошей погоде. Путь наш шел по хребту Барма-Корта по направлению к скале, так называемой Второй Волхове (4008 м.). Благополучно миновали скалы и начало фирнового поля, вступили на фирновое поле, тут сделали первую небольшую привал, и приготовились к подъему, т.е. привязали себе к ботинкам наши знаменитые копы и надели технические очки для защиты глаз от яркого солнца.

Было еще довольно рано, а солнце уже немалодорожно палило. Тумана не было, но чувствовалось, как кожа начинает воспаляться, несомненно из-за того, что мы наши лица покрыли передохрительной мазью. Сначала шли по сравнительно легкому подъему в направлении к седловине между двумя конусами Кабзек и потом, когда поднимались круче, мы видели левее от седловины, по направлению к главному конусу. Весь горный массив на запад от Кабзек был как на ладони, даль была чрезвычайно ясна. Особенно красиво и четко вырисовывались на фоне неба горы и долины. Видны были Гамар-Хох и Майли-Хох. Подъем становился все круче и круче. Уже мы миновали 4 1/2 тысячи метров, каждые два-три десятка шагов приходится от-

Михаил Дзавашвили—проводник на Кабзек

Ленинский уголок внутри выем. Ермольской шахты

дышать, так как дыхание заходит далеко за пределы нормального, сердце немилосердно стучит, нет воздуха. С половины коука мы

начала рубить ступени, нога, хотя и вооруженная кошкой, не имела на твердом среднем телем фигуры достаточной опоры. Вот уже три часа, напряженно работая, мы отвоисываем метр за метром высоту у Казбека. На горизонте появляются белые облачка, с юга начинает дуть предельский ветер, и вскоре на нас наваливается темная туча, предвозвещая быстрой перемены погоды. Нужно, следовательно, удвоить энергию и во что бы то ни стало к полудню одолеть вершину. У двух спутников-комсомольцев, появившихся признаки горной болезни. Главное, что ужасно в ней, это то, что человек делается как бы безвольным, апатичным, ему не хочется идти дальше, болит голова, тошнит, гнет, устроившись как-нибудь, неудобней, уснуть, отдохнуть. Вот против этого-то и нужно бороться. Этот отдых, этот сон может быть уже совсем навред. Прикрутивши где-нибудь на стремительном склоне, пораженном горной болезнью турист может легко потерять равновесие и скатиться вниз. Единственное средство от этой болезни — это спуститься вниз или же усилем волю и психологически вынуждем победить в себе апатию. Я прибегнул к хитрости. Мои спутники были очень высокого мнения о моей заграничной аптечке, поэтому нездало до этого исцелена одного из них в течение часа от прострелов же-

лудка. Среди всякого рода снадобья у меня были также таблетки кода ландина, и вот, давая эти таблетки, я говорил, что это самое радикальное средство от горной болезни. Я сумел внушить товарищам... К тому же вершина уже была совсем близка, и ребята направили свою энергию, одолев последний десяток метров. Ровно в 11 ч. 45 м. 21/VIII—25 г. мы стояли на вершине Казбека (5043 м). Кругом была полная агла: Казбек серою накружилась и закрыла свое небо пылавою. Наши знакомые укрепили на тот же, на которой стоит метеорологическая будка, поставленная в 1912 г. М. П. Преображенской. Пропели «Интернационал». Сумел, что сейка Казбек в первый раз свиснул про метровой гни. На вершине мы пробыли около полутора часов, отдохнули, все ждали, что может быть туман рассеется, но потом, не дожидаясь, начали быстро спускаться вниз, жеская в тот же день достигнуть Дендарской будки. Однако, сумерки принудили нас еще раз провести ночь в Дендарской хижине.

На другой день, рано утром, мы были внизу, и, когда подходили к Дендарскому леснику, над вершиной Казбека подвесаю снежный ураган, и весь хребт Барта-Курт, на котором стоит Ленинская хижина, и все склоны покрылись снежной пеленой.

ПО ВОДНОМУ ПРОСТОРУ

Чусовая—красавица Урала

Когда заходит речь о том, что не худо было бы попутешествовать, встряхнуться, то сразу же возникает возражение, что подобное удовольствие слишком дорого и нам бедным людям не по карману. Но это так, если подходить к делу без инициативы, я же, на основании личного опыта, утверждаю противоположное и этим опытом хочу здесь поделиться. Вот наш опыт... Дело было прошлым летом. Нам (мне и двум товарищам) нужно было ехать из Свердловска в Пермь. Сели на поезд, но вместо того, чтобы так беспрепятственно доехать до Перми, мы предприняли другой путь. На станции Бишмобай, где железная дорога пересекает реку Чусовую, мы сели с поездом, купили лодочку и отдали свою судьбу в руки этой капризной красавице Урала. Вскоре мы убедились в недостаточности подготовки, с которой пустились мы в плавание. Не имея карты реки, мы не знали названий гор, селений и всевозможных замечательных мест, не могли также составить понятия о расстояниях, а спросить не всегда есть у кого. О карте, правда, мы подумывали еще в Свердловске, но не знали, куда обратиться, и кто бы стал потрафлять такой затее чудачков! Однако, вскоре нам повезло,—мы догнали экскурсию преподавателей Свердловского рабфака. Если бы наша встреча произошла в другой обстановке, то мы наверное не нашли бы, что говорить, но здесь, как друзья по затее, мы не успевали всего сказать. Они нас снабдили картой реки, и мы их оставили, так как они повлигались не спеша, а мы спешили. Второй неожиданностью для нас была встреча с Ленинградской геологической экспедицией. Их работа по сбору окаменелостей оказалась настолько проста, что мы сразу же могли принять в ней участие, а затем, дружки распрощавшись, двинулись дальше. Красоту этих диких скалистых и лесистых берегов я описывать не буду, потому что все равно не описать,—нехватит красоты и слов. Но москвички художники, с которыми мы встретились, и которые были там, видимо, за тем, что набраться впечатлений для своих картин, говорили,

что такая красота на редкость и в Швейцарии, а знаменитые Жигулевские горы на Волге не идут с этими ни в какое сравнение. Сами мы такого глубокого наслаждения, как на Чусовой, никогда не испытывали.

Ни театр, ни кино ничего подобного дать не могут... Лодку быстро несет по этой гладкой извилистой дороге; ты сидишь и ни о чем не думаешь, а взору открываются все новые и новые картины, одна другой величественнее. Хотелось пить, но репертуар наш был настолько беден, что мы его скоро исчерпали и повторили несколько раз.

Одна из бухт на Дене (к оч. на стр. 4)

Ничего и кормились у прибрежных жителей. Прием был довольно радушный, особенно со стороны хуторских жителей. Люди, видимо, стосковались в одиночестве и рады в всякому забредшему человеку. В одном месте, когда мы уже улеглись спать, заспорили между собой комсомольцы и старухамат. Мы, конечно, приняли сторону сына. Так про-

Вечерний прием (к оч. стр. 4)

Наш маршрут

спорили всю ночь. Мать едва убедилась, но сыну наверное кое-чем разобраться помогли. Вот пример небольшой попутной политико-просветительской работы, и таких примеров я мог бы привести не один. Интересно было проследить условия жизни и хозяйства подмерзельцев вниз по реке. Оказалось, что в скалистых местах верхнего течения живут крестьяне и... не пахут земли. Держат лошадей да корову и кормятся лесным да сплавным промыслами. Затем дальше к низовью стали появляться крестьяне с пахотной землей, без купюного хлеба.

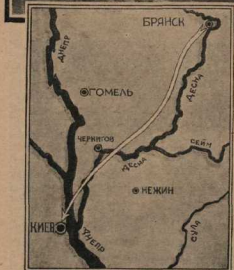
Рабочие некоторых заводов (Бишмобай, Утка) мало отличаются от крестьян. Они—местные жители, имеют дом, лошадь и корову, и разница только та, что одни работают в заводе, а другие—на промыслах. Весь уклад жизни и быта почти один и тот же. Тут мы как-то вполголоса опунтили близость русского рабочего и крестьянина.

Наблюдая условия работы сплавщиков—тяжелая и опасная работа, требующая умения и отваги. Покрыли дог в 5 ч. 40 мин. Отличнейший путь может быть походу, потеряли в весе, но чувствовали мы себя превосходно. Тут мы поняли, что все далеко не означает здоровья. Мы вышли из путешествия совершенно обновленными, готовыми снова на какую угодно работу и нервную тряску.

Без книг мы многое узнали: мы видели людей, их жизни, мы видели величавые горы, разукрашенные венком лесов и отраженные в воде, мы видели свою домашнюю Швейцарию. А сколько их у нас! Обошлось это путешествие пустяки. Лодку же мы купили за 13 рублей и продали за 12. Наше удовольствие было, может быть, неожиданным и для нас самих, мы пролетали его без достаточной подготовки. Но даже в таком виде оно поразило нас своей многосторонностью впечатлений. Мы голосуем за организованный туризм рабочей молодежи, и мы убеждены, что наше государство, зарасходов какое-то сумми на поощрение туризма, с лихой охотой сможет на больницах, домах отдыха, на курортах, да, кроме того, будет иметь более и жизнерадостное поколение.

А. МАКАРОВ

По Десне и Днепру

...и Десна лодка—нам маршрут
 ИСТОРИЯ ОФИЦИОНАЛЬНАЯ
 — Прочли мы в провинциальном комсомольской «Правде», как провести отпуск в подполной оккупации, и решили проехать по Десне и Днепру от Брянска до Киева. Собралось четверо комсомольцев, попросили на время палатку в подшефной части, купили всякой посылки, взяли фотоаппарат и отправились в путь.
 — Лодку купили мы в Брянске у дочиника-перевозчика за 25 рублей. Судно попалося несомненно хорошее, тяжелой конструкции, продать в конце путешествия лодку удалось только за 6 рублей.
 — А вот по Десне, за Новгород-Северским находится торговое село Макошино (Западн. ж. д.). Там можно купить плоскодонку у плотовщиков за 5—10 рублей, самая ее промолить, и можно ехать по любой реке. Хорошие лодки можно там же купить рублей за 20, с уверенностью,

что за ту же цену можно будет и продать где-нибудь на Киевщине или южнее. Парус мы сделали из двух простынь. Очень он нам не пригодился, потому что Десна—река извилистая, силу ветра использовать трудно.

Течение было довольно быстро. Рыбы и дичи попадалось много. По пути в деревнях встречались кооперативы, где можно было достать продукты.

Брянская губерния находится в дождливой полосе, это играло несколько отрицательную роль в нашем путешествии. Лишь несколько южнее мы как следует пожарились под солнечными лучами.

Зиновиевские берега Десны покрыты лесом, то вплотную подходящим к реке, то уходящим в сторону к горам. Сосна сменяется дубом, затем идет смешанный лес, далее сосны одна. Река разветвляется на массу рукавов, образует ряд заливов, озер. За каждым поворотом открываются все новые и новые картины, одна лучше другой.

За Новгородом-Северским картина природы несколько меняется. Продаются леса, начинается бесконечный прибрежный кустарник и лишь небольшие рощицы приближились. Только холмы оживляют несколько однообразный вид. Здесь меньше попадает и рыбы.

От Новгород-Северска ходят по реке пароходы.

После утасовающей бедности Брянской губернии, где в деревне на 200 дворов трудно найти коровку хлеба и кусочек молока, где в праздник не увидишь ситцевой платка—все дотканное, идут сытые черниговские деревни, с крытыми железом хатами, с большими стадами скота. Чем ближе к Киеву, тем богаче деревни и замкнутый народ.

Черниговские крестьяне строятся крепко. На улицу—глухие стены, хаты за оградой—в глубине двора. Горе пошлемому туда—разорвут злые собаки.

Продукты питания здесь были дешевы. Молоко 1^л—2 копейки стакан, яйца—25—30 коп. десяток, картофель—40 коп. 50 фунтов. Печуха мы купили за 40 копеек. Сало стоит 40 копеек фунт.

Ехали мы, не спеша. День распределили примерно так: в 6—7 утра—подъем, гимнастика, купанье, завтрак. В 7 сигнальщик и ехали на весах обычно до 9—10 часов, затем причаливали к берегу, готовили обед. С 1 до 4-х отдыхали—принимали солнечные ванны и т. д. В 5 часов отправлялись дальше в путь, купались с лодки, часто останавливались для закупки продуктов в прибрежных деревнях. В 9—10 часов разбивали лагерь и после ужина, часов в 10—11, ложились спать.

Наше производство и завтрак

Бывало... мы укладывались спать прямо в лодке

Бывало, что вместо остановки на берегу мы устраивали настил из досок и бего и укладывались спать прямо в лодке. Один дежурил на корме и направлял vessel лодку.

Часто встречались нам плоты. Шли обычно они вереницей с небольшими промечкутами. Здесь приходилось не зевать: плотом лодку раздвигали, как скорлупу.

Несколько затрундили нас различные плочуные мосты, через которые приходится перетасовать лодку. Под канатами паров мы проходили свободно, приходилось только снимать матчу. В день за 4—5 часов гребли проезжали мы верст 30. Ехали ночью, течение приносило верст 20. Очень помогла нам карта: руководился ею, мы сократили по протокам петли фарватера на 10—15 верст.

Отправляясь в путь, решили мы читать, заниматься, играть в шахматы. Составили даже план обследования комсомольской работы в деревне. Оказалось на деле, что в лодке читать трудно: то не хватало времени, то не было желания. За 28 дней путешествия мы прочли только одну книгу, да и то—беллетристику. С обследованием работы ячеек вышло еще хуже, так как летом большинство комсомольцев уходит сплавлять лес и фактически ячеек не слышно.

Что захватили мы из хозяйственного инвентаря, одежды и снаряжения?

Взяли котелок чугуный, замшированный, четыре ложки, кружки, шумилки, чайник, мешки для крупы, топор, одеяла, простыни, наволочки, полотенца. Из четырех захваченных мисок в дело шла только одна. Пальто с собой нужно брать самое равное—все равно прожесть и разорвется. Незаменимыми оказались четыре распоротых мешка, заменяющих для нас подстилки и скатерти. У всех были трусики, но необходимо иметь легкие брюки, иначе комары не дадут покоя.

Необходимо широкие соломенные шляпы (стоят они там по 25 коп).

Из аптечки пригодилось нам только йод, да вазелин. Последнего вышло у нас масса.

Необходимо иметь в лодке длинную, не менее трех аршин, цепь. Конец цепи мы прикрепляли к берегу, когда отправлялись в деревню.

В Трубчевске и Чернигове с большим интересом осматривали мы музеи местного края.

Мы не можем признать, что выбранный маршрут являлся идеальным. В Брянской губернии сильно проливало дождем, в Черниговской однобожественные ландшафты. Но впечатление осталось хорошее.

В семи верстах от Киева Десна впадает в Днепр—это одно из самых красивых мест в нашем пути. Мы по Днепру закончили свой путь.

В. КОВШАРОВ

ЗА МАССОВЫЙ ТУРИЗМ

Л. БАРХАН

«НА ПЕДАЛЯХ»—своєю горы и скалы

Что такое туризм? В словаре можно найти такой ответ: путешествие в целях развлечения и удовольствия. Таким был до сих пор туризм буржуазии; в ином виде и с иными задачами организуется массовый туризм в СССР.

Закончился трудовой день. Вперед!—воскресенье, день отдыха. Что делать в теплое время, год? Не хочется сидеть дома, в душной квартире? Идешь на бульвар. Заходишь в кино. Прогулка по пыльным улицам города захватывает значительную часть ночи. Так проходит суббота.

В воскресенье просыпаешься по привычке рано. Но немного омит тело после позднего шатания, короткого сна. И возвращаешься к боку набок пареня, желая больше отдохнуть: ведь день отдыха. Как провести день? Посидеть за книгой, поехать на спортивную площадку. А вечером—опять кино и прогулка по улицам.

Такой ли режим отдыха у туриста? Не совсем.

После рабочего дня забегать домой—на поезд. В вагоне достаточно пыли, но мимо окон мелькает зелень, врывается свежий воздух. Несколько минут ходьбы от станции, и приходишь

Где только ни прохлдит лодка туриста! НА БАЙДАРКЕ

в базу: дом отдыха, избушка, просто помещение, предоставленное деревенскими комсомольцами в сарае. Забираешь спалатку, хранящуюся здесь в течение всей недели, котелек, чайник, рыболовные принадлежности и—на место лагеря.

Обыватель кричат, возмущает, отсылавшая дачу, где можно было бы пригнуться на лето. Большую сумку с снаряжением возможность иметь летнее помещение за городом. Комсомольская дача—лагерь туриста—обходится в несколько рублей. Соорудили или достали палатки, котелки, выбрали удобное место густым лесом на высоком берегу реки или озера, чтобы не слышно было, комары меньше ели и было где купаться,—эти и дача.

Первое время, пока при

ВОТ ГДЕ МОЖНО ПИТЬ ВОЗДУХ И СОЛНЦЕ

К вечеру туристы собираются в город. Некоторые остаются ночевать до понедельника. Быстро снимаются палатки. Снаряжение свисает с бату и загорелые, большие парни и девушки возвращаются к работе.

СВЕРХУ:—Самая дивная дача—палатка туриста СНИЗУ:—Со своей—любим направление

Много препятствий будет при организации лагерного туризма. Ряд вопросов, естественных для такого нового дела: как достать палатку? Что брать с собой в лагерь? Куда проводить экскурсию? Как быть в джунглях или в лесу? Постепенно накапливается опыт; растут раши и увлекать массу новой, здоровой формы отдыха.

Доступен ли дальний туризм? Может ли пареня, получающий 20 р. в месяц, отправиться куда-нибудь на свой две недели туриста? Железнодорожный проезд съедает много средств, даже если и удастся записаться льготным билетом. Очень уж длинные коны в нашей полупустой стране.

Но можно и с небольшими средствами сделать интересную экскурсию. Путешествовать можно пешком, на велосипеде, на лодке.

Пешеход не зависит от дорог. Наменяя заранее маршрут—и в путь. Остановки в деревнях, там и ночлег и питание.

Лучше всего проходить в живописной местности, с часто меняющимися ландшафтами. Иначе надоеет идти все лесом или лесом и лесом. За две недели отпуска можно откатать пешком более 250, не утомляясь, делая дневник, охватывая достопримечательности по дороге.

Велосипед мало еще распространен среди нашей молодежи. Дороги машины, да и мало их в продаже.

В Московской губернии все так тысячи туристов-велосипедистов из рабочей молодежи набраться может. Есть велосипеды и на местах.

гери, поставишь и укрепишь ее, прохлдит часе—полтора. Но постепенно осваиваешься. Палатку ставишь за десять минут и—кушать.

После города, после пыли приятно освежиться, поплавать в прохлдной воде. Дожурый в это время собирает сучья, разводит костер для чайника.

Вечер на свежем воздухе—равне это плохо? Прогулка, но уже в других условиях, не городской. Песни, гармошка, пляска, рассказы.

Спать все ложатся рано. Завешивают полог у палатки, чтобы не ели комары, и засыпают крепко, так, как можно спать только на свежем воздухе после движения.

В 6 часов утра туристы уже на ногах. Купание, завтрак, обсуждают план проведения дня. Есть предложения сделать экскурсию в ближайший совхоз или музей. Любители рыбной ловли или охоты зовут в лес или на реку. В конце концов договариваются. День прохлдит незаметно, впечатлений набирается много.

К СЕГАМ И СОЛНЦУ НА КРЕПКИХ НОГАХ, СО ЗДОРОВЫМ СЕРДЦЕМ

На стальных коны 40—50 верст в день делать не так трудно. За время отпуска можно сделать верст 500. Можно и не ехать сплывом на велосипедах. Доехал, например, от Москвы до Ленинграда на велосипеде—машина в багаже. От Ленинграда—на Волховстрой, оттуда на Новгород. Можно на Петрозаводск—к озеру, на Кивач (водопад).

Многих работ тянет прохлать куда-нибудь на лодке. Это всего здоровее, да, пожалуй, и дешевле.

В Москве, Ленинграде лодку можно купить рублей за 80, а на юге, в белесых местах, и полтораста ушлины. Зато есть места, где вполне пригодную лодку можно купить за 5—10 руб. Дешевые лодки в верхьях Волги, Днепра, Десны. Залпает четыре рубля по три за сумку, в конце путешествия продают, бывает (на юге), что и за ту же цену. Приспособит палатку, захватят бредень, продукты, посуду и вино—по водному району.

Как сделаться туристом? Нужно только заинтересоваться этим делом. Побольше самостоятельности! Нужно помнить, что каждый из нас может быть туристом, именно советским туристом, укрепляющим силы в путешествиях и накапливающим знания.

ПО ВОЛНАМ НА ПАРУСАХ

Умчирный чирис

На желтых водах реки Ян—цзы качалась лодка. Чан забился в угол и сидел на корточках под канатами. Он услышал шаги и сжался, чтобы не быть открытым. Чан боялся не потому, что это могло представлять для него опасность, но он был в дурном настроении и хотел оставаться один.

Прежде, чем Чан пришел сюда, он странствовал с группой артистов. Однако, он не был артистом и не хотел стать им.

История Чана несложна: 13-летний китайский мальчик, один из тех, которые проводят время с рыбаками в Ян—цзе. Когда кантонские войска заняли Ханькоу, Чан впервые услышал о стрессе лозухах народа, которые люди с kota принесли, как клятву верности. Чан не хотел

Английские буржуазки еще продолжают упражняться в милосердии по китайским заповедям

больше оставаться рыбаком. Он хотел стать солдатом, революционером—безразлично, лишь бы бороться за дело народа.

Чан пришел к фельдфебелю, набравшему для армии солдат. Тот посмотрел на маленькую худощавую фигуру его и покачал головой. Однако, он уступил настоятельным просьбам Чана и зачислил его рядовиком в группу артистов. Группу составляет необходимую часть революционных войск, но мальчик этого не знал. Он провел с группой две недели, бесконечно говорил о том, что слышал ваял, чтобы быть солдатом, и решил бежать в Шанхай.

Кантонские войска поднялись как Шанхайю по плодородным берегам реки Янцзюань. Отряд за отрядом проходил в стирогий дис-

Командиры в цилиндре—английские дипломаты—делают мир оккупационным войскам в Шанхае.

КРОВЬ НА ЯН—ЦЗЫ

(Tchaug)

А. ДЖЕКИНСОНА, перев. с англ. С. А. А.

дисциплине. Солдаты были большей частью в серой одежде, один носил допотопную обувь, другие — кожаные сапоги, которые оставляли следы на мягкой земле. На плечах у них были скатанные плащи. Было нестерпимо жарко, и один за другим они заменили свои фуражки широкими шляпами из бамбука, которые по крайней мере защищали немного от солнца. Берете ремень с поясами были рыбаками. Они оставали среди лотосовых цветов свои маленькие лодки—сказочные лодки—сладкозвонные войска.

Вперед на север вместе с революционной армией раздвигалась разбухшая масса народа. Кантонские войска заняли две трети Китая, они будут бороться до тех пор, пока не объединят под своим знаменем всю страну.

В Шанхае Чан чувствовал себя словно потерянном. Он едва замечал людей, которые мелькали у него перед глазами. Он было наивно перебрал свой маленький рюкзак, но был бесцелен сделать что-либо для «стрех лозухах народа», которым мальчик поклялся в верности.

Чан бесцельно бродил по реке и хотел, чтобы волна проглотила его. Но взор узких глаз его упал на гавани, и исследуя лицо наполнилось жизнью. Он увидел на якорю флотилию военных судов, разноцветные флаги которых ревели по ветру и смотрели на пушки, направленные на город. Ему казалось, что они затевают что-то злое.

Лишь только кантонские войска репутат в город—Чан это знал,—пушки будут направлены против них. При мысли об этом рот Чана слегка похолодел, а глубина малькунда у него на губах. Он почесал гладко выбритую голову и легкой тенью шмыгнул в сторону. Чан один не был захвачен войсками, уже господствовавшим в городе.

По красному Бунду каял и вперед бегали иностранцы, выдвывая этим нарекание, которое чувствовалось в воздухе. В отчаях гости обсуждали последние события и опасность, угрожающую от кантонских войск. В консульствах призывали срочные меры, внимательно читали ноты Келлога и Чемберлена. В домах миссионеров слышны были только жалобы. В конторах горько жаловались на ненадежные времена и говорили о забастовках, извиготом поминках в Шанхае. Только сейчас закончилась забастовка в швейцарском трамвайном обществе.

В китайском квартале шарило большое возбуждение. Староинчик Гоминдана упражнялся в диньчанских китайских речах, готовясь к выступлению в рядах кантонских войск. Чан шел по берегу реки, осматривая немилые парусные суда, качавшиеся на волнах. На берегу стояли обворованные кули и предпринимали самоубийственную рыбачу. Чана все это интересовало.

Он дошел до лабиринта узких вымощенных улиц. Двое по обеим сторонам были бамбуковые хижинки китайских рабочих. На длинных постелях под нестрами вымелыми висели бумажные фонари. Мальчики с непокрытыми головами играли на улице. Некоторые из них вытаскивали руки, когда мимо проходили, похрамывая, женщины в панталонах и длинных шнурках.

На других улицах Чан видел давки, в которых туристы прежде приносили валики к рекламным предателям. Чан пошел до французского квартала. Здесь улицы были чистые, мощеные, совсем не те пыльные, откуда он пришел. Заставили иностранцы и отские в шельку кушачи в тележках, которые, обливаясь потом, тащили кули.

Чан молча отогнал разину и направился к общественному парку. У ворот парка полицейские толпы что прощали несколько китайцев, — китайцам не разрешается входить в общественные сады, исключая ишек с детьми иностранцев.

Так же, как и все китайцы, Чан ненавидел этих полицейских, которых ашланде привнесли сюда из Индии. Он пошел в обход парка и обогнул главную улицу Шанхай—Напюаньскую. Он шел дальше. Вруг толпа заурядца улыну и устремилась в ту сторону, откуда доносился трамвайный звонок.

ВВЕРХУ: «Пуржские» лунки импералистов возмущают искрени... разорвими Шанхай СЛЕВА: Чес дождится Чжэнь Цзо-Ли

Пестрые вагоны трамвая впервые носе забастовки дингались по улице. Они не были вклатных пассажиров, они были украшены яркими флагами, и позали них шли рабочие, праздноую победу прежде, чем приступить к работе. Китайцы собирались на улицах и приветствовали победителей—рабочих.

Праздник пролетариата. Тысячи рабочих с разных предприятий присоединились к шествию. В центре—студенты со знаменами в руках. Чан читал на этих знаменах: «Долой империализм!»

Вруг вагоны остановились. Рабочие сразу не понимали, что произошло. Но скоро они узнали, что трамвайное общество прекратило тож, чтобы возмутить конец демонстрации.

Вагоны остались пустые среди улицы, а женщины, которые сидели в них, проносили срочное собрание. Было решено отправиться к зданию трамвайного общества и провести массовую демонстрацию. Все вместе направилась в иностранный квартал, куда китайским доступ был воспрещен. Толпы людей подходили с прилегающих улиц и присоединялись к шествию. Большая человеческая лавина двинулась вперед. К ней присоединялись даже кули. Люди были рады поздравить собственную, сейчас только открытую, мощь.

По широкой улице дингались человеческие море и устремлено в шествию с трогательным Чан почувствовал себя захваченным общим движением толпы. Его маленькие руки влетали высоко, он запыхался и несся с раскрытым ртом, захлебываясь.

На углах стояли в строю агитационные полицейские. Они били по головам рабочих длинными бамбуковыми палками, а из толпы вытаскивали людей и врывали палку у одного из них.

Британские солдаты докучали были отсутствием. Демонстрация дингалась вперед, пока вдали не послышалась тыльная стена. За углом показались веревки лехота с винтовками наготове. Раздалась команда: «Да!»

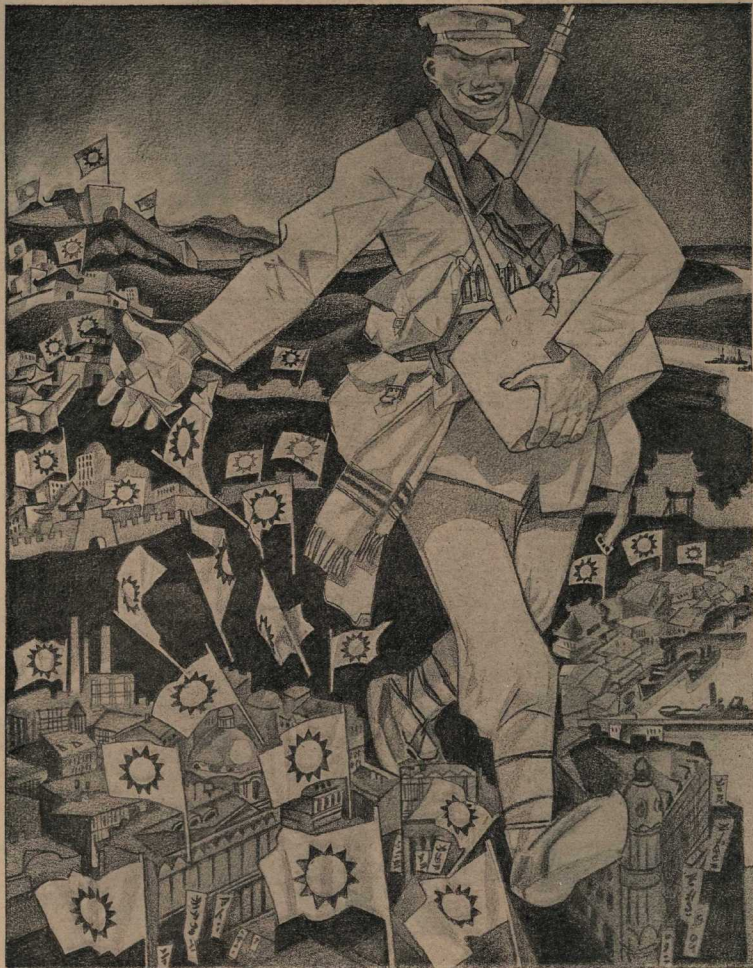
К концу дня два миссионерских брата отбранили раненых от убитых. Маленькое тело Чана было среди последних.

Слова боту,—принесите громко один из миссионеров в сплунку в сторону,—ни одного белого нет среди раненых.

Второй посмотрел к небу и с глубокой верой сказал: «Да, благословен господь, милостым овечек не остави!»

ВЕСЕННИЙ СЕВ

Рисунок К. РОТОВА

*Шовей, Китай! Восторг и восторг,
Бунуйте ураганом!*

*Растут, делят, весенний сев
Знамены Гоминдана!*

*Просторы львиных выходов ждут.
Их жажда — теплезна.*

*Выйдет лес. И расцветут
Знамена Коминтерна.*

А. Ж.

45000 КИЛОМЕТРОВ НА ВЕЛОСИПЕДАХ

(По стране кактусов, дождей и горячего солнца)

Путевые записки А КНЯЗЕВА

В 1924 г. 1 июля выехали из Москвы два студента Института физкультуры—т.т. Фрейберг и Князев с намерением объехать на велосипедах вокруг земного шара.

6 марта текущего года они вернулись в Москву, проехав через Сибирь, Дальний Восток, Китай, Японию, Кубу, Панаму, Колумбию, Мексику, Германию и Польшу. Мы печатаем наиболее яркие моменты этого интересного путешествия. В предыдущем № «Смены» было помещено описание их поездки с русской экспедицией по долинам Мексики

И. Фрейберг со своей спутницей—колумбийской обезьянкой—на плече

По тропической реке на индийских низовах

После долгих дождей день нашего отъезда выдался теплым и с попутным ветром. Наши «ГАЗы» были хорошо собраны и смазаны. Мы выехали, сопровождаемые представителями клуба «Радио», во главе с чемпионом Товар и председателем—Сулейм.

Они проводили нас за 35 километров от столицы и дружно распростились с нами; обнявшись по-мексикански и расцеловавшись по-русски. Поднимаясь пешком на гору, мы долго обменивались приветствиями с оставшимися внизу спортсменами, крича друг другу: «Viva Mexico», «Viva Rusia Sovietica»,—пока быстрый спуск не скрыл от нас совершенно этих гостеприимных друзей.

Первые 80 км мы ехали по знакомой нам дорожке. Знакомой она была потому, что четыре месяца тому назад мы проезжали здесь по пути в столицу. С тех пор, правда, мы видели так много дорог, что смело могли бы не припомнить ее. Но когда после 80-го км мы стали подниматься на гору, то с противоположной стороны мы, как на ладони, увидели местность, которую, кажется, будем помнить всегда. Эта горка, крутым обрывом спускающаяся к реке, была покрыта камнями, среди которых в изобилии росли кактусы. Те самые свирепые кактусы, которые заставляли нас тогда с громадными усилиями воли сдерживать невыносимую боль от вторжения их игл в наше исхудавшее тело и наши ступни, те кактусы, которые принакали до тела скалок почти отсутствующие подошвы ботинок. Вон видна даже та дорожка, которую мы так долго тогда, в течение почти двух мучительных часов искали. Она сейчас совсем безобидна: дорожка; она ведет сверху вниз и приводит в селение Туау, к которому мы сейчас поедим. С каким вниманием в ту же ночь, добравшись до отъезда, осматривали мы от колочек термическую продукцию Резниотреста. Теперь не то. После 80 километров первого дня пути мы поехали более медленно. Шел дождь, и дорога окончательно испортилась. Мне все время не давала покоя моя колумбийская спутница—обезьянка; ей надоедало трястись в сумке за спиной, и она вылезала играть на плечи, прыгала на руль и пыталась схватиться за колесо велосипеда, чем страшно мешала и заставляла останавливаться. Одна раз даже она прыгнула с плеча на дерево и доставила много хлопот с доста-

ванием. Дорогой мы часто встречали крестьян-индейцев, вежливо здоровавшихся с нами и с удивлением рассматривавших наши красные флаги с серпом и молотом в звездке. На их вопросы мы отвечали, что мы из рабоче-крестьянской республики Советов—России. Некоторые, недоверчиво поглядывая на нас, вслух шепотом себе говорили: «Это—большевики, едут и делают пропаганду, те самые, что против бога». Другие, наоборот, чрезвычайно сочувственно расспрашивали о жизни у нас. Как организована власть? ка-

кие свободы много ли? и т. п. Помнится как один—черноусый, сверху глазами из-под вышитой соломенной шляпы, везущий с корзинку для плошек у разносчиков, сказал: «Клянисьте наши братьям, скажите, что мы ждем их помощи. Сами-то мы слабы не телом, а духом». Более темные и мрачные, подходи, расспрашивали: «А где это Россия, не в Южной ли Америке?»

К вечеру дождь полил, как из ведра; пришлось накрыться плащом и—приняв лежать на педаль,

ТУРИСТЫ РАЗ

Путешественник, облепивший 15,000 километров

Индийские постройки на плантациях

торопясь к видевшимся белым строениям. Это был хутор одного из помещиков—Арроизарка.

Когда мы вехали под навес большого белого дома, то у стены увидели нескольких крестьян-батраков. Они стояли, закутанные в свои одеяла, и курили табак, завернутой цигаркой из кукурузного листа, вместо бумаги. На наш вопрос, где мы можем переочистить, один из них указал на огонь в комнате. Это была контора. В каждой конторе, широко разлазя свое грузное чрево, сидел помещик. Два конторщика докладывали ему о работах и о том, что кто-то пропил все деньги, что у него были, и он просит вперед... Хозяин свирелев. В этот, надо излагать неудачный момент, предстал перед его очами два неопытных, промочившие до костей и грязные до нечелю. Он попортил нас сесть, постарался неопытно успокоиться, сказал приказчикам «разберем после», и тогда только обратился к нам: «Что же за щель у нас для такого пути? Неужели все время на велосипед? Откуда же вы берете деньги? Вы что же—американцы или немцы (нас всегда принимали за польских)? Мы быстро постарались записать, что мы ометские—русские. «Ага, значит большевик?! Когда мы пояснили, что мы только спортсмены, он сказал: «Ну, этого вы мне не говорите, я расскажите лучше, как живут в России».

Сейчас великолепно: работают, учатся, поднимают промышленность и управляют сами.

— То-есть вешают, режут и салят детей?

— Нет, теперь есть хлеб, пролетарское сознание и твердая Советская власть.

— Вот наши газеты пинуют, что снова волнения в России и в Париже-есть царь.

— Ну, господа большевики, идите за мной, я могу вам дать только комнату и молока, большего не имею.

После проливных дождей мы перешли из конторы в большой дом с внутренним двором и массой пустых комнат. Типичный помещичий дом.

На нас с лаем бросились две охотничьи и одна дворная собака. Хозяин вынул, а наустрепу нам вышел сын хозяина, молодой парень, так же, как отец с большим Smith-Vessicom 45 калибра у бедра на раскожном ремне.

— Вот, сын, прими спортсмена.

Сын деликатно поздоровался.

— Вы меня извините,—сказал он,—но мы недавно поужинали и поэтому не имеем предложить вам ничего кроме молока и кофе.

Мы поблагодарили его, но пожулки про себя, что очень плохо. Усевшись за большим дубовым столом в громадной зале, мы принялись уплетать печенье с кофе. Я был в Соединенных Штатах,—начал разговор молодой хозяин,—это культурная страна, там много спортсменов. Он хотел поделиться рассказывать попорчонное, но мы его не слушали. Мы думали: дагт он еще сухарей или ограничится поздравиями. Мы

мексиканские дороги после дождей

уже начали с ширшей, крайние сущности для наших аппетитов. В то время, как он успел догадываться: «А здесь скучно, ничего кроме охоты и

Вечером—на улице мексиканского городка

этих» салыхал—крестьян. Сальван—темише, дикие. Вы вчера услышали—идете я провожу вас в комнату».

Где мы—в дореволюционной России? Нет, мы в Мексике! Но как же эта зловредная жопина поехала на юг помешков в России? Вот там, под протекающими крышами дремлют с многочисленными семьями рабочие, а здесь—их эксплуататоры оставляют двенадцать комнат незанятыми... «Покройной ночью» Мы расстались.

Едва свела, когда мы выехали от спящих господа, а крестьяне уже работали, спонорную сложившая свои жалкие гроши. Утренняя свежеть и сморьсть расцвела—выглянувшим солнышком, освещавшим кукурузные поля. По дороге мелкими шагами похлываемым ушами, с ношей в 70 кило на спине двинулись ослы. У меня что-то издалось с машиной. То по минутку сосканивая растущаясь цепь, то застревая грязь тормозила передние колеса. Вся недалеко видна уже сухая дорога. Прочистил и смазал цепи, и снова пошла писать—стиравшиеся слючки передняя шина и швабеную овальную канавку—задняя, более пострадавшая; на ней все слючки стерлись. 13-я тысяча километров начала скакаться только в мелочках. К вечеру, когда уже выпала луна, мы добрались до небольшой «финки» и встретили крестьян, отправляющихся на работу в поле. Мы спросили: почему же они не работают днем? Они отгугили, что хозяин послал их работать дополнительно за денной работой из-за жары. Батраки в этих «финках» (так называют иеныя и хутора) получают 25 ко-

А. Киньял и его

километровка

ИХ ИЗМЕРЕНИЙ

Во всех излюбленных местах западно-европейского туризма находятся рестораны и виллы.

Из заграничных журналов

Путешественник, сделавший 15,000... литров

Висячий мост в Чинапа де Корсо, Мексика

пекс в день, плата больше, чем ничтожная. И все-таки ничего не остается бездельно бездельным (а их $\frac{1}{4}$ всего крестьянства), как поноваряться и работать. Дорога внезапно испортилась. Здесь прошел сильный дождь, окончательно превративший дорогу в подобие рек. Пришлось разуться и весты за собой машину. Луна освещала это ночное шествие до тех пор, покуда мы не увидели гниющие постройби селения. Луна скрылась, и мы с большим трудом смогли отыскать какие-то неподвижные шляпы; это жители этих дневных трудов, усевшись на корточки и завернувшись в сараки (одеяла) тихонько бедствовали, как наши крестьяне, по вечерам на

ТУРИСТСКИЕ РАЗНОВИДНОСТИ

А. ЛЕПОВ

Рис. К. Елисеов

У туристов, путешествующих скопом, очень ограничен круг впечатлений. Они получают от экскурсии впечатлений ровно на свою пару червонцы и в пределах экскурсионной туристской группы.

Можно указать на одного остроумного человека, который использовал свой отпуск следующим образом: он купил путевиатель по Крыму, зашел в комнату и этот путевиатель основательно изучил. Потом он выхлестал перед своими друзьями, сидящими на экскурсию:

А я знаю не меньше вашего и денги у меня и кармане.

Мать просит сына по возможности не приехать в пропасть

Единственные живые люди, с которыми сталкиваются групповые туристы, — это руководители. Это, по большей части, люди утробные и с крайне испорченным характером.

Вот как они отражают чистую радость юного путешественника. Мы знаем случай, когда один из экскурсионтов, глядя в окно поезда, вдруг радостно закричал:

— Море, я вижу Черное море!

Но руководитель скептически и безжалостно объяснил, что в Рязани никакого моря нет, в чем легко убедиться по справочнику.

Неудобства грубого туристства выражаются еще в способе перевозки туристов. Невзирая на род перевозок багажа. Их погружают в вагоны, сваливают на платформы, перегружают в автобусы и т. д. Недостаёт только получения накладных и дубликатов.

Все это мы написали для того, чтобы легче перейти к предмету нашего исследования.

Так делают все авторы. Они пишут:

— То, что изложено в первой половине книги, к делу не относится и написано для того, чтобы показать, что мы будем говорить совсем о другом.

Итак, о туристах-одиночках.

Турист «со всеми удобствами».

Фриц собирается побродить по Альпам. Вся семья, со слезами на глазах, просит его не губить свою молодую жизнь. Его предположительная матильда умоляет вспомнить о детях, которые рано или поздно должны у них появиться. Напоминает о путевых опасностях, дорожных грабителях и наседных убишцах.

Мы поднимаемся по тропинке, где еще не ступала нога черной орла

Но Фриц непреклонен. Он уже не мальчишка, черт побери! Он должен узнать свет!

Наконец, старый Шульц соглашается:

— Пусть идет. И я был когда-то буршем и бродил по Альпам. О, бурная молодость! Фриц упорно изучает справочники и путевиатели. Фрау Шульц печет на дороге печенье и заучивает консервы.

Затем вся семья отправляется в магазин под названием «Альпийский турист» и покупает путешественнику альпийскую палку с железным наконечником, альпийские башмаки, альпийский кофак, альпийские очки, альпийский бинокль, небольшой альпийский телескоп и блокнот для альпийских впечатлений.

Консервы, наконец, уложены в ранец вместе с альпийскими чулками и дожной носовой платкой, вышитых Матильдой.

Вся семья отправляется на вокзал. Мать прижимает к груди сына и просит по возможности не приехать в пропасть.

Поезд трогается. Машину пыхтят.

По прибытии на станцию Фриц вылезает из вагона и погружается в автобус. Автобус прикладывает его к воротам, на которых висит большая вывеска «Альпы».

У ворот Фриц застраховывает свою жизнь в 50 000 марок, нанимает проводника и в тот же день начинается подъем на Альпы.

Из природных богатств Пашка больше всего нравится халва и орехи

Проводник говорит:

— Сейчас мы поднимаемся по девственной тропинке, где еще не ступала нога горного орла. Подняться тяжело. Фриц с трудом находит в плотно убитой дорожке шель, куда бы можно было сунуть свою палку.

Наконец, путешественник взбирается на дикий утес. Фриц в восхищении осматривает бинокль, лежащий внизу пропасти и видит на диком девственном утесе ужасающие слова: «Июноль» — лучшее для спиритов. А под самым солнцем на краю провала Фриц убеждается, что «Август» — радикальное слабительное.

Впрочем, ему нет надобности делать это. В самой неосвоенной области к нему приходит туземец и предлагает готовые впечатления каздыня общества «Все для туристов». Фриц выбирает самую жажерадостную брошюрку, прибавляет несколько слов об Амелено и бросает брошюрку в гнездо горного орла, слушающего постоваым лышником.

Через час полетчик доставляет туриста к неосвоенной горной вершине, родные орлы, где так призывно маячит вывеска:

«Лучшие шерстяные чулки предлагает фирма Людвиг Думитфильс».

Турист «со всеми удобствами». Командир Пашка решает во время своего отпуска побродить по Кавказу. Перед ним встает вопрос о багаже. Сначала он думает нанять грузчиков, потом мысль его от извозчика переходит к ручной тележке и, наконец, останавливается

В Сочи Пашка выменивает свои штаны на трусы с прищипкой

на занятию у приятеля портфеле. Багаж состоит из марксистской хрестоматии и, в предвидении, путешествия не менее чем на три месяца, также кое-чего из сменя белья.

Затем Пашка пододвигается, надевает кепку и отправляется на вокзал.

В поезде особенных происшествий не случается, если не считать того, что в Ростове с сонного Пашки скатывается салты.

Из принарядов богатства Баку ему нравятся халва. Несколько дней Пашка питается сладким и поует на Байкаловской горе.

Пашка задумывается об одиночестве. На эту мысль навеяло его одинокое состояние одинокого рубля в кармане замусоленных Пашанских брюк. В товарищеском вагоне Пашка отправляется в Тифлис. Заряд он с успехом продает свою смену белья и поднимается на гору Давид.

Большое всего в Тифлисе Пашке нравятся трамвай. Трамвай, как будто сделан из железа и весело трясется и каждую минуту готово расстаться с пассажирами совсем особым способом.

Постепенно Явшка постигает все тонкости коммерческого дела. В Батуми он купается в море, продает шерсть и едет в Сухум.

В Сухуме он продает свою коворитку и отправляется пешком, находя, что все другие способы передвижения — предрасудок.

В Гаграх Пашка продает белье.

Далее он вспоминает о старом чудесном способе торговли, а именно о меновом.

В Сочи Пашка выменивает свои штаны на трусы с прищипкой в виде папки.

У Кавказского вокзала показались всеобщинная фигура в трусах и палке

В Туапсе Пашка удается попасть на земляные работы и в течение каких-нибудь трех недель он зарабатывает суму и м, достаточную на покупку билета.

В конце августа с Кавказского вокзала выходит тонкая черная фигура.

Фигура необычайно худая, но выступает она гордо и держит в правой руке книгу неведомую и непрочитанную марксистскую хрестоматию.

В ПУТИ ПРИГОДИТСЯ

Геодезия с фуражкой

Силом и рядом на практике приходится, хотя бы приблизительно, определять ширину реки. На-зад это бывает очень трудно и ошибочно, а инструменты, конечно, под рукой не оказываются. Тем не менее, вы можете преодолеть это измерение, имея всего-навсего на голове вашу собственную кепку. Наклоните ее на голову, положите визитную к реке и смотрите на противоположный берег так, чтобы козырек кепки прикрывал его. Затем, не изменяя наклона головы, повернитесь и смотрите вдоль своего берега.

Теперь остается только заметить то место, до которого прикрыт ваш берег козырьком кепки, и отсчитать количество шагов от места вашего наблюдения до места, отмеченного вами на вашем берегу.

Количество шагов и укажет вам на ширину реки. Знакомый с геометрией поймет, что два прямоугольных треугольника равны, если они имеют по равному катету (высота человека) и по равному прилежащему углу (у козырька фуражки).

Определение направлений с помощью карманных часов.

С помощью карманных часов в солнечный день можно определить всегда с достаточной точностью все четыре стороны света, т.е. направления севера, юга, востока и запада. Способ этот настолько прост и легко объяснить, что оставим только ожидать в скором времени его всеобщего распространения.

Определение направлений заключается в следующем. Повернуть циферблат карманных часов, держа их горизонтально, так, чтобы часовая стрелка была направлена в сторону солнца. Тогда точка на окружности циферблата, лежащая посредине между показанием часовой стрелки в этот момент и числом XII, покажет вам направление к югу.

Так, например, если часовая стрелка показывает IV часа, то, направив ее к солнцу, найдем, что середина точки между показанием часов (IV) и XII будет совпадать с точкой циферблата, указывающей II часа. Эта точка и определит юг; противоположная ей по направлению даст север, а влево будет восток, а направо — запад.

Если часы, например, укажут IV часа, то направив точку циферблата к показанию II часов на солнце, тогда линия, проведенная из центра часов к XII, и будет линией, направленной к югу.

ГОРЕ-ТУРИСТ

Отдыхали

Как самому сделать палатку?

(Из опыта германских рабочих туристских)

Имеющиеся в продаже палатки дороги. Между тем, для туристских они не заменимы, позволяя останавливаться на ночлег там, где повсюду, и зависать от гостеприимства сельчан.

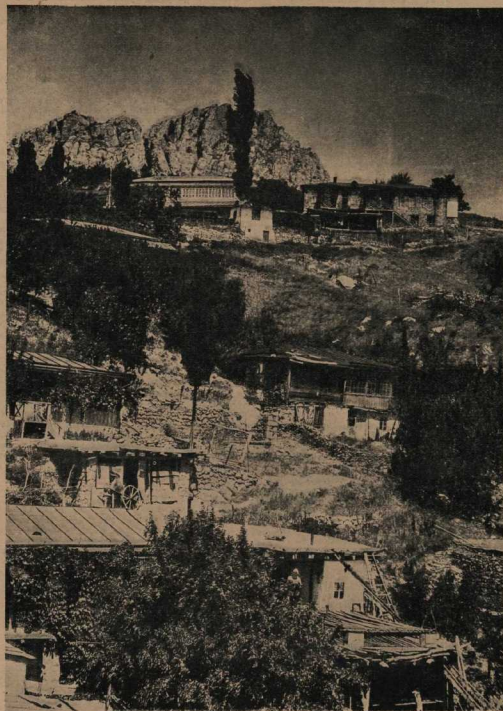
Можно взять кусок холста, размером 10 кв. метров, если делать палатку на двоих. Палатка таких размеров не будет велика, но зато очень легка, дешева и впитает надежную кролевлю. Основную кусок холста для палатки представляет собой четырехугольник. Для боков вырезается трехугольники с каждой стороны; они потом пришиваются к основному полотнищу.

Для того, чтобы сделать палатку непромокаемой, следует пропитать ее смесью олифы (1/4) и расплавленного воска или парафина (3/4). Лучше всего вылить смесь в большой сосуд и

опускать туда отдельные части палатки, давая им возможность хорошо пропитаться. Пропитывать ткань следует тогда, когда уже вся палатка суха.

Для того, чтобы выкроить палатку, лучше всего склеить старые газеты до нужных размеров, в цветных карандашом нарисовать линии отреза с запасом 2 см, сшить их, вотом по полученному образцу сшить палатку.

Для того, чтобы палатка не падала, на нижних концах пришиваются петли, одеваемые на вбитые в землю колышки.

Крым — татарский поселок

Знакомый порт (нагрузка)

Под широтой 40°

Рига

Встреча с туземцами

НА ЛЫЖАХ ПО СКАНДИНАВИИ

Пробег т.т. ВАСИЛЬЕВА, НЕМУХИНА, ДЕМЕНТЬЕВА, САВИНА и Б. ГРОВОВА

ОТ РЕДАКЦИИ: спортивный, по существу, пробег наших лыжников является, конечно, и видом туризма на лыжах. Поэтому мы и помещаем здесь настоящие очерки

У моста через реку Сестру, нависших, чашу у наших пограничников, мы простились с товарищами.

С одной стороны, столба толпа, махающая в воздухе шапками, кричащая «физ-культ-ур!»; с другой — финский пограничный патруль, во главе с офицером. Не удержались ребята — уже с финской территории бросили последние «физ-культ-ур!» провозавшим. Патруль, свернув оживленный, принял приветливо, солдаты на ломаном русском языке пробовали удлиниться смеются вправо участливо, спрашивают о планах путешествия, а в заключение попытка финские газеты, где крупным шрифтом напечатано население, что русские лыжники такого-то числа пересекут границу и будут там-то. К великому изумлению, мы увидели свои физиономии в газете.

По колеем Финляндии

Под приветливыми кричи — хей-хей-хей! — пограничники начали мы свой путь по колеем Финляндии, стране, где лыжи давно уже вошли в быт, являются неотъемлемой принадлежностью в доме каждого крестьянина. В Финляндии не редкость, если лыжчик бежит по делам за 20—30 километров на лыжах к соседней станции или городу. У окон каждого крестьянского домика, каждой хаты можно видеть несколько пар лыж, воткнутых в снег.

А у школ лыжи образуют прямо чашокол. Каждый школьник обязательно идет в школу на лыжах. У него это так естественно, как у нас в сырую погоду надевать галоши. Поэтому-то ребята такие здоровые, румяные, веселые и подвижные.

Как встречается

Через 1¼ суток, пройдя около 100 килом., мы добрались до Выборга, где были радушно встречены нашим консулством и финским рабочим спортивным союзом.

Чрезвычайно характерно, как финские пресса следила за переходом. Ежедневно печатались объявления о пробеге, сообщались, сколько прошли, где и когда ожидают, помещались фотографии участников и т. д.

Финские рабочие всюду тепло встречали нас, предлагая обед, ночлег, заводывая (через перевозочку) тасками вперевоз о жизни в далекой России, откуда так много ложных и так мало правдивых сведений. Благодаря телефонной связи, между деревнями нам устраивали встречи и крестьяне.

Когда приходится проходить мимо школ, то все ребячье население в радостном писком, во главе с учительницей, выискала на крыльцо, кричало традиционное «хей-хей-хей!» или же припадало мурлочками к застывшим осянам, барабанила по стеклам.

По всей Финляндии погода благоприятствовала пробегу. Снегу было достаточное количество, стоял некрепкий, до 6°, мороз.

По дороге в Гельсингфорс навстречу нам шел на лыжах мировой финской лыжник — крестьянин Юсси Ниска, приехавший в прошлом году на розыгрыши первенства СССР в Москву.

Мировой лыжник — крестьянин Ниска

Теплая встреча, дружеские рукопожатия и... немая сцена, ибо никто друг друга не понимал. Наконец, через переводчика Ниска пригласил нас к нему в гости, в дом, находящийся в стороне, в 20 верстах от дороги. У Ниски дома свое лыжное производство. Работает сам без мастеров, с помощью брата, выделывает небольшие лыжные лыжи, но зато отборного качества. Наши лыжники говорят, что во всей Финляндии лучшего изготовления лыж не найдешь. Четырехлетний сын Ниски — заводный «лыжник», прекрасно ходит на лыжах, преодолевает такие препятствия, горы, с которых с'ехать взрослому жуковато.

В 5 часов утра, еще в темноту, он, закупив куском черного хлеба с молоком, отправился на прогулку, видимо, считая, что залежалости с малых лет в постели неслесообразно.

Ниска познакомил со своим производством, показал огромное количество призов, полученных им за выступления: целый чемодан медалей, около 20-ти часов и т. д.

Призы в Финляндии

В Финляндии есть обычай выдывать в качестве призов полезную для обихода в хозяйстве вещь. У Ниски все: кровати, шкафы, мебель, картины, вплоть до кухонной посуды, — призы. Везде, на любой хотя бы маленькой вещице в доме можно найти небольшую серебряную дощечку с датой, когда, где и за что выдан приз.

Распространился с Ниской, поблагодарили за обещание сделать 12 пар отборных лыж и двинулись в путь. Взругом выдала фигура лыжника, который неслучайно замахал в воздухе руками и закричал «хей-хей».

Без хэлки ближе и узнали в нем опытный лыжник по московским первенствам крестьянина Тани.

Дружно четвером бросили в морозный воздух, пропитанный свежей осяновой смолой, «физ-культ-ур!».

Остановку, чай у Тани — и дальше в путь-дорогу.

Через 5 дней, пройдя 370 километров, подошли к столице Финляндии — Гельсингфорсу.

Осмотрели город, достопримечательности, заменили советские лыжи финскими, системы

«Муртоаа» (полторные), и 15 января взяли старт на гор. Або, лежащий на берегу моря, откуда пароходом должны были направиться в Стокгольм.

Путь от Гельсингфорса до Або был самым тяжелым, благодаря наступившей темной погоде, недостаточному количеству снега (обнажились земля и камни) и обледенелой почве.

В Або — опять торжественная встреча. Особенно следует отметить прием, оказанный финскими горниками на каменистом, от радости и полноты чувств пожамкавшим нам, лыжникам, руки и обменивавшимся поцелуями. В Або сели на паром и через 15 часов прибыли в столицу Швеции — Стокгольм.

На пристани — суетола. Много было встречавших нас, сделали многочисленные фотоаппараты, сухо трещало кино.

Интервьюеры поспешили сделать наброски и уловить чуть несколько слов от участников.

Мы ждали кошелька новеллет из России, — писали в этот день буржуазные газеты, поместили фотографии лыжников, — а встретили скромных, интеллигентных представителей молодой Республики Советов.

На лыжах под дождем

20 января утром подошли к норвежской границе. Здесь была самая трудная часть пути. Целых 600 километров почти сплошь идти по камням и глесту, да выбоков при температуре выше нуля и частью под дождем. Ни о каком скольжении не могло быть и речи. В результате шероховатость лыж снижала до самых приклеванных носовых ресниц.

Уже в Норвегии, недалеко от границы, рабочие железнодорожного узла, узнав о пробеге лыжников, выжили к нам навстречу, бросив работы, в грязных рубашках, с черными от копыток ногами.

Не найдя другого языка для объяснения, они, указывая на себя, говорили: «мы у-у-у!» (здесь следовало подражание паровозному свистку) и вы у-у-у, давая тем самым понять, что все они люди одной работы — железнодорожники.

Уже под самым горолом Осло в горах поплали в очную вытону грозу. Температура воздуха повысилась до +7°, с гор лились потоки воды, а сверху немилосердно хлестал дождь.

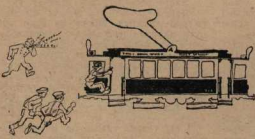
Мы вымокли до нитки, залили свои «вексель» водой и, уже увидев вдали зарево от огней Осло, не дошли до города и переночевали в каком-то домике на мешках с мукой.

В столицу Норвегии мы попали только на другой день.

Всего мы шли на лыжах 29 дней, двигались со средней скоростью около 74 километров в сутки.

Шторы

Человек за бортом!

Путешествие с туристическим

МЕЛОЧИ

Как правильно поставить оставшиеся часы?

— У меня остановились часы. Не имея карманых, я не мог повесить их правильно и пошел к знакомому, у которого, как и знала, часы идут верно. Пробыв у него ровно час, я вернулся домой и поставил свои часы правильно. Как мне удалось это сделать?

Самодельный электрический прибор

Надо сознаться, стоимость современных патентованных приборов еще мало снизилась. Например, стоимость электрического чайника в 5 стаканов—18—20 руб., а то время как обыкновенный чайник той же величины стоит 3—5 рублей. Вот почему любители электротехники, которым, благодаря дороговизне готовых приборов, быть может, не удастся ими пользоваться, следуют познакомиться с изготовлением маленького самодельного нагревательного прибора. Надо говорить, конечно, что большого практического значения он иметь не будет, хотя вы прекрасно сможете кипятить в нем воду.

Устройство его очень нехитро. Взяв простую жестяную банку (в них, например, продают готовые компоты, томаты и проч.), освободите ее верхней крышки и в деревянной крышке ее сделайте три отверстия: два для проволоки проводов от лампочки и одно для вывода пара. Все металлические части лампы (не патрон) тщательно изолируйте каучуковой лентой. Лампу следует вставить в отверстие в 32 или 50 свечей. Налейте в сосуд воду, закройте ее крышкой и зажгите лампу. Несколько минут вполне достаточно, чтобы вода закипела.

Исправление перегоревших лампочек накаливанием

Как ни высоко сейчас поставлено производство ламп накаливания с металлическими нитями, все же не удается сделать нить по всей длине совершенно одинаковой и, следовательно, оказывающей повсюду одинаково и то же сопротивление току. Где-нибудь да окажется оно несколько больше и рано или поздно волосок в этом месте перегорит. Дорога тогда прерывается и лампа гаснет.

Обычно же в таком случае вынимают из патрона и заменяют новой и совершенно исправной. Если, не выключая лампу, осторожно постучать по стеклу колпачка, то разорвавшийся волосок может погнуться соеденить волосок и замкнуть опять ток. Он прилипает к цоколю и путь тока вновь открылся. Правда, этот путь будет короче прежнего и поэтому сопротивление лампы и уменьшится и, возможно, скоро вновь где-нибудь перегорит. Однако, все же она еще некоторое (а иногда и довольно продолжительное время) послужит и тем оторвет вам расклад на покупку новой лампы. Такое содействие волосок несомненно по стеклу иногда производит и после второго перегорания лампы, но в третий раз оно уже обычно не удастся. Только тогда и приходится заменить лампу новой.

Уже не раз замечалось, что в некоторых квартирах лампы с металлическими нитями быстро перегорают, несмотря на то, что при исследовании их нити оказываются вполне заправленными. Металлические волоски оказываются перерезанными перерезанными лампочке окисляясь скрученными и притянутыми к внутренней поверхности стекла.

Поча зависит от обитания пыли со стеклянного колпачка лампы при помощи метелки из пера. Такие обложившие металлы оказываются вполне достаточными, чтобы наэлектризовать колпачок, что вызывает притяжение к внутренней поверхности тонкого металлического волоска, который при этом легко разрывается.

СЛЕДЫ ДИНОЗАВРА

Повесть Н. ОГНЕВА, рис. Ю. ГАНГО

(Продолжение)

СОДЕРЖАНИЕ ПРЕДЫДУЩЕГО. Французский профессор-палеонтолог Дорже идет через Москву в Монголию с целью научных исследований в Центральной Азии. Вместе с ним отправляется Умериско каспийского и лавоидника профессора с профессором одет перуанским в этом культурной работы комсомолец Синустов и его приятель Френель. В Монголии у встречного бродячего ламы профессор узнает, что здесь на северо-востоке есть «оргола». Проделавшая, что речь идет о законсервированном динозавре, профессор захватывает ламу с собой, но в Улаи-Батаре Хото ламы скрывается. В пустыне Гоби Синустов случайно находит ископаемые разное яйцо динозавра, но у самой Великой Китайской Стены на склепидию падаетом хукуры и турист-стеники, бросит карован, пытаются спастись в развалинах стены.

15. Между двух огней

— Очень сильный, но теплый, южный ветер перестил безгласно на гребне Великой Китайской стены. С профессора съехала кепка, но он даже не заметил этого; и бежал-то он, и забирался на стену совершенно механически: так его потрясла потеря яйца. В камни то-то-дело токнули пули. Власть распорядилась и организовать оборону как-то незаметно попала к Френелю. Френель действовал быстро и молчаливо: распределил все налицо отстрельное оружие между проводниками, он расположил линию обороны так, что совершенно отрезал подступы к стене со стороны пустыни. Два—три смельчака, шагавших по обходу подбераться к стене, были уложены на месте меткими пулями одного из проводников и самого Френеля. У Френеля был восьмизарядный Винчестер, и как-то сразу ему стало понятно, что пока он в

к стене. По дороге он размахивал какой-то грязной тряпкой, так что можно было принять его за парламентаря. Подхват пучки к самому подножию стены, всадник ограда наваленку, и тут обнаружилось, что одной рукой он держит за тряпку, а другой прижимает к себе лошади коротенький карабин.

— Уууу-уу-уу!—закричал всадник, махая тряпкой.—Уууу-ууу! Да-ра-ноооо! Шин-на пу-ноу, ружья каптаина! Даронока пу-ноу! Уули. Ружья дурака даронока!

— Да ведь это наша лама!

— Провокатор чортов!—проник одновременно вырвалось у Френеля и Синустова. Васка тщательно прицелил браунинг на стиб левой руки и стал наводить выстрелы на ламу. Но в этот момент резкий возглас на французском языке заставил Васку оборотиться: профессор выскочил из-за прищипки, и бешено размахивая геологическим молотком, кричал какие-то ругательства.

— Справьтесь, профессор, асейву (садитесь),—нарывался Френель и, увидев, что профессор не слушается, вскинул, схватил его за плечи и усадил насильно. И врезал: ламы в азиатском движении поднял карабин вверх и,—не успев, выстрелил. Пули синустова мимо Васкиной головы.

— Ну, что это в поп-!—получил Васка и нажал гашетку пистолета. В тот же момент ламы очень смешно куварочились в верх торшачками так, что ноги слезла да тудин и ачед под бочком ламы. Не поддавшись судорожному движением ринулась вперед, потом повернула, покачала головой обратно, но, не проделав и двух шагов, тяжело рухнула на землю; точнее ее тело было в туловища выскокала ламы и впрямую прижалась бером к своим.

— Промухнулся!—кринул Васка.—В лошадь попал!

Ламы на бегу обернувшись, потрясла кулаками и, делая шаг назад, принужден еще ослышать. Тут только Васка заметил, что Френель методиче-

...и размахивал какой-то грязной тряпкой, так что можно было принять его за парламентаря

ска, через ровные промежутки, хлопал из Винчестера над самым его ухом.

— Мои эф (мое яйцо)—кричал профессор, простонав ружье в пустыню.—Даронока эф, даронока! Он узнает драгоценное яйцо!

С гребня была видно совершенно отчетливо, как чаша верховых хукузоров окружала верблюдов и яловых лошадей и спешно погнала их на запад.

— Ну, уж никак не подластись, профессор,—успокоительно сказал Френель.—Тут не до жиру быть бы жыву. А это что такое?

И верно: от группы всадников отделился один, в высокой остроконечной шапке и покачал,

Мгновенно пуля шлепнулась в песок. Там как со стороны пущана никто не стрелял, все как слышно, что стреляют откуда-то сюда.

Что они: окружили нас, что ли?—недоуменно и почти растерянно спросил Френкель и, нагибаясь в промежутках между пулями, побежал к противоположной стороне стены. Пули загрохотали в песок и о камни все чаще и чаще. Небольшое темное ве... Хуизуны, сгруппировавшись полукругом к каравану, уже исчезли из поля зрения, сливаясь со смутными далами Гоби.

Сюда! Сюда!—внезапно заорал Френкель, выступившая из-за дубов с противоположной стороны стены.—Товарищи, бегите на эту сторону! Похоже, нас опять атакуют...

Вася и проводники переметнулись на другую сторону: сразу стало понятно, откуда стреляют: словно из-под земли толпами всхлипали огоньки и вступили клубки дыма; было совершенно ясно, что бьют из кремневых ружей лупотомного образца.

—Товарищ Френкель!—кричала один из русских проводников, взятых экспедицией из Улан-Батора.—Я так думаю,—не хуизуза это! Хуизуза на китайскую сторону не ходок. Стой, и с ними поохотимся поохотимся.

И, размахивая фуражкой, проводник закричал в сторону выстрелов что-то по-китайски. Выстрелы сразу прекратились; проводник продолжал кричать.

—Они в земле сидят; сейчас ихний представитель выйдет,—сказал он, когда мы прокричали что-то в ответ.—Это ихняя, в розе, милиция. Топке хуизуны осторожнее, вот и хоронится в земле... Минь-туаня называються... Откуда-то ружья достали, желторокие... Раньше не было.

По направлению к стене, опираясь на ружье, шел китайц. Френкель и проводник осматривали со стены и двинулись к нему навстречу. Через десять минут выяснилось, что минь-туаня (бульварная милиция), опасаясь налета хуизунов на расположенное недалеко деревцо, держат на линии Великой Стены постоянные сторожевые посты. Обитатели каравана минь-туаня, несмотря на предложение профессором денежную награду, категорически отказались. Являю дормезавра было утеряно безнадолго.

Линиями предостали перед хуизуном, максимых планиаций—мистером Гарри Джонсом

—Куда это вы на саязель?—спросил Френкель. А это, товарищ Френкель, животни здесь так... Френкель, животни здесь так... Френкель, животни здесь так... Френкель, животни здесь так...

—Лёсе,—сказал профессор, рассматривая при свете факела отколупнутого кусочек почвы.

—Так точно, товарищ,—фёсом называються,—подтвердил улан-баторен.—И дюже она хлебородная земля, лёсе это самий. Она хлеб родит способной воронковое зерномама. А самъ—желтая, и роде глины.

—Так что же, лёсем?—спросил Френкель, и поля в отверстие. Внутри вырубленной в лёсе фазмы (кач) не было ничего. При свете дымного факела, путаясь стволушки косяк, расположилась на ночлег, прямо на земляном полу. Пахло сыростью, глиной, факельным дымом. Было гораздо холоднее, чем на воздухе. Прижавшись тесно друг к другу, все шесть чужих экспедиции—проводники, профессор, Френкель и Синтунов—скоро заснули глубоким сном усталости.

—Васяка Синтунов открыл глаза и с недоумением воспринял темноту душной пещеры и едикий грибной запах сырости. Кругом раздавался спокойный храп на разные голоса. Из входного отверстия брезжил мотыгой сумеречный свет.

—Где это я?—спросил себя Васяка, прикиньши за последнее время видеть над собой при пробуждении безграничные просторы неба пустыни.

—Ах, да... Китаи! Это здорово! Вот удивлялись бы ребята на Благущие, если бы им рассказали драка. Как жалко, что я невнимательно слушал доклады про Китаю. Да и сам не столько им занимался: поважелей дела были. А теперь, пойдя, определил: к кому мы попали—к революционерам или к контрабанд... Ах, черт! Надо, пожалуй, встать... Да и помышлять бы не мешало Френкель, Френкель, вставай!

—А? Что?—пробормотал Френкель, сразу отряпывая глаза и ес... А где же чудной-то тай-спросил он, шугая рукою зяблого себя.—Открыть куда-то унесли черти... Нарвется опять на каких-нибудь пов... Поимся, Васяка, поимся его...

—А проводники?—спросил Синтунов.

—Пускай пока спят, мы еще воротились. Притянул вылезли из пещеры и обитались в том же ущелье, по которому двинулись вчера вечером. Главные желтые стены, уходящие вниз, напоминали дворы-колоды небоскрепов. По ущелью шли долго, все время брели отлогий и уютнейший подъем. Когда, наконец, справились с подъемом, оба так и захлюпали, нагавало и прямо растелились вышитые нежными шелками куртки; белые, розовые, красивые и темные маки устали необозримое пространство.

—Гарди, Васяка, а жон и профессор,—сказал Френкель, указывая на колпачившуюся в маках темную фигуру.—Что от них делает?

—Профессор!—закричал Васяка, дивясь по направлению к фигуре. Малое было слыта энigmatи: видно было, что по ним шли, словно чего-то ища. Фигура и верно оказалась профессором. Он и китайец-проводник были замаскированы. Диносаурус,—восклицал,—отпустил профессор на безымянный вопрос Френкеля.—Я рассказал китайцу, чего я нишу, и он привел меня сюда.

—Как же вы ему рассказали?—начал было Френкель, но не договорил: по дороге и через макровые плантации к ним бежали какие-то люди в белых костюмах и широкополых шляхах. Через минуту к ним четверых схватили, скрутили за запястья, и вступил на путь жестокости и протесты, куда-то поволокли. Схватившие путешественников молодцы принадлежали, несомненно, к той расе, были хорошо сложены и обладали здоровыми мускулами, что неслучайно на себе Васяка Синтунов, пытавшийся им сопротивляться.

Через четверть часа пленники были доставлены к аркадному двухэтажному дому в стиле английских коттеджей, обнесенному колючей проволокой, и предстали перед хозяином дома и макровых плантаций—мистером Гарри Джонсом, чреславым и статным англичанином в белом субтропическом шлеме.

—Кто вы такие?—спросил Гарри Джонс и повторил свой вопрос по-французски и по-немецки.—На основании какого действующего закона вы забрались с целью ночлеги в мои плантации?

—Я—француз и профессор палеонтологии,—гордо ответил Дормье.—Ваши люди поступили со мной как... с китайцами. Я протестую.

—Развяжите ему руки,—приказал английский.—Вы сами виноваты, профессор! Вы должны были знать, что находитесь на территории Великобритании: какой, по существу, является весь Китай. А кто такие наши спутники? Вы должны дать мне исчерпывающий ответ, потому что я являюсь ответственным представителем Великобритании во всей провинции Шень-Си.

—Это—мой русский спутник,—начал было профессор.

—Русский?—брезгливо перебил англичанин.

—Убрать их немедленно с моей территории! Вас, профессор, должно быть, ошпарили уша, если называете своимим спутниками болше-ше-ни-ков! Только ради вас, профессор, как представителя союзной нации, не признаю их немедленно освобожден в наручники. Отведите этих грязных разбойников в деревню,—обратился Джонс к своим подручным.—Да сделайте там минь-туаням, чтобы они за ними присматривались! Их оружие, с вашего позволения, профессор, я задержу у себя.

—Вот-те и Китаи!—с недоумением сказала Васяка, когда его и Френкеля привели в китайскую деревушку, волворили в одну из фаз, крепко и благоустроенной остальных и, поставили у ворот вооруженного длинной палкой с помехом на конце китайца.

17. Ночной налет

Высоко над горизонтом вспыхнула яркая точка и вдруг рассыпалась в темноту неба дождем разноцветных светов, осветив на мгновение грязный двор дремлющим призрачным светом. Взглянув глазом, заросшими больше китайские барбафаны и слабо пронеслись незваные, похожие на выстрелы.

—Сюда! Сюда!—внезапно заорал Френкель, выступившая из-за дубов... стемы

—Сюда! Сюда!—внезапно заорал Френкель, выступившая из-за дубов... стемы

Зато у Васяки Синтунова, несмотря на усталость, тревожно и счастливо замирало сердце: ведь он, нежданно-негаданно, попал в великий пробуждающийся Китаю—туда, где тутешах миллионный народ, к ужасу и негодованию рабовладельцев всего мира, загорается красным огнем революции.

16. Динозавриад маком

Профессор шел сюда вместе с отряженными минь-туанями проводником до деревни. Китаец что-то непрерывно лопотал по-сержу; профессор, как будто, его понимал; по крайней мере, тон-де по подвалу реплики и, размахивая руками, тыкал пальцем то в одну, то в другую сторону.

Сумерки быстро сгустились. Тянущий иланы в очень узкое ущелье со странными, очень высокими и ровными высеченными стенами. Стены уходили далеко вверх, и быстро темнеющая полоса неба почти не маяла света. Китаец-проводник зашел галопом и остановился перед темной дырой в стене ущелья.

Минь-туан, притиснув свое странное оружие к подбору, мирно похрапывал

КЛУБНАЯ РАБОТА ЛЕТОМ

Серия «Практика клубной работы»

под общей редакцией Агитпропа ЦК ВЛКСМ

Замоскворецкий, В. и Булатов, Н.—Летняя работа юнессекции рабочих клубов.

Поблизости ливных клубных работников по организации летней массовой работы комсомола. Особенности и основные задачи летней работы. Как перейти на летнюю работу. Клубовые дни. Работа бюро юнессекции. Методика массовой работы. Виды летней работы. Официальные материалы. Рисунки.

143 стр. Ц. 1 р.

В. К.—Летняя прогулка рабочей молодежи. Организация и методы работы.

Содержание: Прелюдие. Дашь организованную прогулку. Куда лучше пойти. Как идти—со взрослыми или отдельно. Кто организатор молодежной прогулки и как организовать эту прогулку.

Несколько замечаний для организаторов длительных прогулок. Материалы для полупростительной и развлекательной работы по время прогулки. Типы настольных игр. Раскал для громкого чтения против курения. Фокусы. Юный дурак. Походная утренняя газета Петрушка.

79 стр. Ц. 40 к.

Маслов, А.—Фокусы и научные развлечения в клубной работе. Для организаторов массовой работы в юнессекции секциях рабочих клубов, комитет молодежи, площадок, домов отдыха, прогулок.

Содержание: Прелюдие. Агитпропа ЦК ВЛКСМ. Истечение. I. Методические указания по организации работы вечера. II. Вечер египетской науки. III—IV. Простые чудеса. V. Развлекательные чудеса. VI. Вечер тепла и холода. VII. Вечер феноменальной памяти. VIII. Вечер головоломок. IX. Вечер эстрадных. X. Бесполезные очки и феррерог. XI. Практические указания и советы. Литература.

«Оглашенная книга из серии «Практика клубной работы» ставит себе целью дать пособие практическим работникам для их

восполненной работы. В числе форм отдыха и развлечения (игры, загадки) не последнее место занимают фокусы и опыты. Их значение не только в том, что они способствуют оживлению клубной массовой работы и расширяют ее содержание, но и в том, что они возбуждают интерес к научным вопросам у молодежи, толкают ее к самообразовательной работе.

(Из предисловия Агитпропа ЦК ВЛКСМ).

124 стр. Ц. 85 к.

Из отзывов печати о серии «Практика клубной работы».

Рецензировавшие книжки, вышедшие под общей редакцией Агитпропа ЦК ВЛКСМ, имеют целью дать методические и конструкторские материалы для развертывания специфических летних форм комсомольской массовой работы.

«Популярная форма изложения, обилие конкретных примеров, которыми снабжено каждое методическое указание, и привлекательные рисунки и в среднем-образовательный клуб обеспечивают книжкам широкое распространение среди клубных работников».

(Книгоман, № 36).

Летние агитвыступления. Газетик, Чапушкин, агит-балетан, живое кино, живая газета, красное обозрение, шумовой оркестр, массовые выступления за городом, постановки на поляне. Составлено ассоциацией инструкторов действующих ячеек.

Содержание: Прелюдие. Особенности летней работы дном и летних секциях кружка—Н. Львов. Отдел I. Эстрада в саду. Чапушкин—Н. Л. и М. Захарова, Агит-балетан. Методические указания. «Июнь в пути»—Б. Ветров. Юные кино—И. Чкалкин и К. Юбилей в пути—Б. Ветров. Красное обозрение. Методические указания—Н. Л. Радиковый—Л. Петров, Шумовой оркестр—Н. Львов. Отдел II. Массовые выступления за городом. Выступления. Массовые чтения. Массовая постановка—Н. Львов. Методические указания. «Нет больше дура, чем ненимание к физкультуре»—Б. Ветров.

105 стр. Ц. 55 к.

— Праздник какой-нибудь китайский,—ракеты и хлопнушки,—подумал Сивушнов, вышедший в двор глубоком вечером после длинного бездельного дня, идущего в фазе в общем ступе Френкеля и хозяина фазы—ту-хао (кулак).

— Спать надо идти,—Френкель небось десятый сон видит.—А теперь так джакимбуто отсюда уехать,—в двадцатый раз пришло Васюке в голову. В это время отблеск какого-то огня на облаках привлек Васюкин внимание.

Кистри, что ли?—подумал Вася и влез на пенекский дуб. Минь-гуань, прислонив свое странное оружие к забору, мирно похрапывал. Вася перемархнул через забор и пошел по направлению к шуму.

— А вот и удару, вот и удару,—радостно мелькнуло у него в голове и колотилось в сердце. Пробавясь узкими проулками, Вася заметил, что старые отбасы в облаках постепенно увеличиваются, разрастаются в зарю, охватывая поляна.

— Пожир где-то...—Вася приближал ходу. Узкие ворота с патромжескими, загнутыми нокеру, черепичными крыльями, были открыты. Сторожа нигде не было. Прямо расстелились ровные поля, кое-где свистящиеся маяковыми голубками. А вдали, километр за дном, ярко выскочило пламя. Стало неумолимо жариться выскочило до Васюки знобисные слабые курлы и сухое шелканье выстрелов.

Хушукы, что ли?—сообразил Вася, выходя в поле.—Как бы не заслышаться... Он отмахнулся к другим. Да тут гасло народная армия расположила...—судно выжилилась, обрывая лесной, досадки, гасящих стаят.—Привет Шен-Си. Шен-Си—так, кажется это бурый лингвист...

Пламя, видимо, разгорелось, расположилось вправо и влево. Небольшое количество жемчуга влететь горючие приборы. «Зато ясны огни,

высоко вздымившиеся в безветренном полудне, арко выделялись на темном фоне неба. Красный отсвет зарева озарял поля и облака. И вдруг Вася заметил что-то длинное и темное, бесшумно двигавшееся по ровному покрову полей.— Что это: погорельцы в эту деревню идут. Но почему так тихо? А может—и не погорельцы.

Вася опустился на колени и приложил ухо к земле. Глухой толчок ниток нх прикоснулся вполне ясно. Вася недоумованно поднял голову: на светлом фоне зарева четко вырисовались: голубой контур человека с ружьем,—голова, плечи, дуло, лямочная нора.

— Верховой!... еще... еще...

Целый ряд всадников, первынящая через холмы и на мгновение медленно по осененному небу, пропадали в тени полей, сливаясь с высоким извивающимся змеем. Внезапно раздался глухой шум падения, лязг железа и крепкой русской шапки, и со вкусом залученный, прорезал тишину ночи.

— Тише, дьяволы,—всех разбудите, морды набью в кривой!

И потаенно-сдержанным голос отгудел: — Никак нет, ваше сок-орд,—как ружья белыми руками возьмем...

Ну, уж нет, не так-то просто, словоблудьям и брызгам,—пробормотал Вася и бегом бросился к воротам. Тяжелые створки ворот поддались с большой натугой.—Тверзь забор... Так это... Да, вот досел! Успел уйти!

И тут... Огромный дубовый брус-орудок плотно вошел в гнездо.

— Эй, люди—заврал Вася в сторону деревни.— Вставайте, давайте, выходящие.

По ту сторону ворот раздался неслышный жаркий материал, затрещали выстрелы, пули мягко зашлепали по дереву ворот, закопали по камню отряды, разбитые черепицей заветены, пада

— Кто там, такую и так-то?—затрещал чей-то бас.

— Ага, сволочь белогвардейская,—ониздали! На январь комсомолом наворосил! Да зареветь красный революционный Китай! Ура—закричала Вася в ответ.

— Ах ты, погань советская! Вот мы тебе! Ломай, ребята, ворота!

Тяжелые доски затрещали от взрывных ударов: видно, пули прижились. Но перевернувшись переулками: гнувало звали больше рабочих, затрещали трещотки. Кто-то бегом сзади, кто-то кричал:—Вася, где ты, морд?

— Френкель, это здорово,—подумала Вася, и от страшного удара по голове медленно упала на землю.

— Перелезли, черти,—своим целым феерьером огненных брызг и орнаментных канюк-то плети прохлосал в Васюкин соняции, и потом все разом полетело, провалилось, утонуло в черной бездонной мгле...

И хорошо, что утонуло: иначе Вася бы прилежал бы увидеть, как через разбитые ворота лезут зареальные устые рожки, разбитые факелы сверкают оружие, блещат поганы и какие-то темные, жаркие люди вваливаются в ворота толпой, утравый пулемет...

СОВЕТЫ НАЧИНАЮЩИМ ТУРИСТАМ

НАЙДИ ВО ВРЕМЯ ЭКСКУРСИИ ОКАМЕ-НЕЛОСТЬ, ИМЕЮЩУЮ ФОРМУ ЧЕЛОВЕ-Е. СКОПЮ МОЖНО НЕ ВЕРИТЬ, ЧТО ЗДЕСЬ НЕКОГДА ЖИЛИ ИТИНСОВСКИЕ ДИПЛОМАТЫ. НЕ ОТ НИХ ЭТО...

ПАМЬ

МАРШРУТОВ

ПО

КАВКАЗУ

У С Л О В Н Ы Е О Б О З Н А Ч Е Н И Я

 ЖЕЛ. ДОРОГА

 ШОССЕ

 ПРОСЕЛОК

 ТРОПА

ВЫСОЧАЙШЕ
ВЕРШИНЫ

ПОТИ

БАТУМ